

Свиридов умер... Трудно произнести, в полной мере прочувствовать, осознать эту утрату. И потому, что вот же — его, живого, говорящего в его неповторимой манере, словно он торопится сказать что-то самое важное, — показывает телевидение, и эффект столь силен, что почти перестаешь верить переданному только что сообщению. А главное — слышишь его бессмертную музыку, которая в тебе, в нас, неотделимая часть самой души России...

ведений Мастера — уже названных мною "Поэмы памяти Сергея Есенина", "Патетической оратории", "Маленького триптиха"... Да всего не перечислишь. Я могу гордиться тем, что исполнил все произведения композитора, связанные с оркестром. Продолжив и расширив "столбовую дорогу" русской классики, композитор пошел еще дальше, создав свою, свиридовскую ветвь в нашей музыке. Он оставил не только прекрасные произведения. Он оставил своих последователей, почитателей его заветов, ряд

его поклонников, привлекает мелодичность его произведений. В них чувствуется очень русский и очень чистый человек. Эта пронзительная чистота происходит, на мой взгляд, из несуетности его жизни.

Для меня особенно дороги те его вещи, которые связаны со словом. Настоящая литература всегда музыкальна. Свиридов же умел замечательно выявлять эту музыку. Его произведения на стихи Пушкина, Блока, Есенина, Бернса просто великолепны. Он возрождал чистое звучание слова...

тать. Царство Божие и мир его душе.

Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ, певец:

— Декабрь держал меня в напряжении особого рода: я знал, что Георгий Васильевич в больнице, состояние у него тяжелое, звонил, как это только было возможно, Эльзе Густавовне, его жене, надеялся услышать, что началось улучшение, а улучшения все не было и не было... Сказать, что я скорблю о его смерти — это фраза не выра-

РОССИЯ ПОТЕРЯЛА ВЕЛИКОГО КОМПОЗИТОРА



Фото Павла КРИВЦОВА.

...НО ОСТАВАЛСЯ ЕГО МУЗЫКА

Музыка Георгия Свиридова живет в сердцах миллионов людей на протяжении большей части XX века. Она вошла в них пушкинскими романсами 1935 года — удивительно свежими, самобытными, в которых поразительно рано нащупан его художнический язык: одновременно простой и сложный, ясный и мудрый, ярко русский и впитавший в себя опыт мировой музыки, от Баха и Шуберта до Глинка и Прокофьева... Этим стилем осязано все грандиозное и разноплановое творчество Свиридова: крупные кантатно-ораториальные полотна и интимная вокальная лирика, живописно-картинные оркестровые опыты и отточеннейшая камерно-инструментальная музыка...

Свиридов трудился буквально до последних дней жизни. На вопросы любопытствующих — как себя чувствует, 82-летний композитор честно отвечал: плохо, но это все неважно — надо работать, столько замыслов, заготовок...

Как-то он сказал, что смерти нет, есть лишь пространство, через которое мы проходим, и звезды, зажигающиеся над ним.

Он прошел свой путь. И зажег звезду, которая светит нам и будет светить всегда.

Сегодня о Георгии Свиридове говорят те, кто знал и любил его, кто знает и любит его музыку.

Евгений СВЕТЛАНОВ, дирижер, композитор, пианист:

— Георгий Васильевич Свиридов — последний великий русский композитор уходящего века. Созданное им является непреходящей ценностью нации. Гордостью на-

ции. Нашим "алмазным" музыкальным фондом.

Все творчество Свиридова воспоено безграничной любовью к России. Ко всему русскому, в беспримесности его проявлений.

Большую часть жизни центром интересов Свиридова являлась музыка для человеческого голоса, во всем многообразии ее жанров. Верными союзниками композитора здесь постоянно были великие русские (да и не только русские) поэты, у которых он черпал неповторимые образы, претворявшиеся в бессмертную музыку. Наряду с огромными вокально-симфоническими фресками — такими, как "Поэма памяти Сергея Есенина", "Патетическая оратория", Свиридовым созданы маленькие кантаты "Деревянная Русь", "Весенняя кантата", "Курские песни" и другие произведения для хора с оркестром. Именно Свиридов восстановил "связь времен", возродив многовековую традицию русской духовной музыки, непревзойденные образцы которой он дал в хорах к трилогии пьес А.К.Толстого, в сочинениях недавних лет.

Кроме вокальной и вокально-симфонической музыки, композитор написал несколько замечательных оркестровых сочинений. К ним я отношу "Маленький триптих", его части — это миниатюры, но, как бывает у мощных творцов, и в миниатюре удается сказать очень и очень многое. Я назвал бы здесь еще блестящую музыку к кинофильму "Время, вперед!" и чрезвычайно тонкие, стилистически безупречные симфонические иллюстрации к "Метели" Пушкина.

Мне выпало счастье быть первым исполнителем многих произ-

из которых создал превосходные сочинения. Он оставил след в сознании огромного числа людей, всей нации. Разве это не величайшая заслуга перед Отечеством? Разве это не величайшее счастье для творца?

Андрей ЭШПАЙ, композитор:

— У музыкантов, у самой музыки большое горе. Ушел один из самых живых художников, утверждавший жизнь во всей ее глубине и многоликости.

Скажу парадоксальную мысль: мы иногда знаем сочинение до того, как его услышим. Оно словно всегда существовало в природе — настолько оно естественно и естественно нами воспринимается. Но так бывает только с великими, гениальными художниками — например с Чайковским. Так же и с музыкой Свиридова.

У него был сильный, своеобразный ум. Его образованность далеко простиралась за рамки музыки, и говорить с ним было потрясающе увлекательно. Его интересовало буквально все. Страшно беспокоило неблагополучие в жизни народа, страны. Он был горяч, наделен природным темпераментом, артистизмом, невероятной силой убеждения. Когда он говорил, ему непременно нужен был отклик — отсюда его знаменитая манера жестикулировать, артикуляция...

Он, перефразируя Гоголя, очень бережно нес титул композитора. И шире — звание человека.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, академик:

— Мне трудно говорить о Свиридове. Я не музыкант и не музыковед. Я просто слушатель. Но меня, наверное, как и множество

Дмитрий ТОЛСТОЙ, композитор:

— Мы познакомились незадолго до войны. Я только поступил в Ленинградскую консерваторию, Свиридов учился на пятом курсе. Но, несмотря на разницу в возрасте, мы подружились.

Мы были тогда немного "западниками", находясь под обаянием музыки Шостаковича и Стравинского. Но Свиридов и тогда прекрасно знал и любил русских гениев — Мусоргского, Чайковского. Он и мне открыл красоты отечественной музыки.

После войны мы много общались, разговаривали. И, конечно, — о судьбах Родины. Мы были достаточно осведомлены о том, что делается в стране, об ужасах и злодействах сталинского правления. Отношение Свиридова к этому было вполне определенным...

В эти дни хочется обратиться к Эльзе Густавовне, жене и другу Георгия Васильевича. Я хочу сказать ей, что глубоко скорблю о потере моего друга, великого русского композитора. Скорбь эта надолго. Весь остаток жизни буду думать о нем. Мне его всегда будет не хватать.

Смерть Георгия Свиридова — громадная потеря и для нас, "трудовцев". Осознавая значение его творчества и личности, мы старались, в меру сил, рассказывать читателям о жизни его музыки, о нем самом. Мы знали, что и сам Георгий Васильевич был нашим постоянным читателем, внимательно, заинтересованно изучал публикации "Труда", прежде всего те, которые посвящены культуре, нередко звонил в редакцию, когда что-то особенно задевало за живое... Он был настоящим требовательным другом газеты и таким навсегда останется в нашей памяти.

Публикацию подготовили Сергей БИРЮКОВ, Любовь РАК, Виссарион СИСНЁВ, Полина СОЛОВЕЙ.

Свиридов Георгий

42